

*На правах рукописи*

**Вдовин Вадим Александрович**

**ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ НОРМ В УГО-  
ЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ  
(ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЧАСТИ)**

12.00.08 – уголовное право и криминология;  
уголовно-исполнительное право

**Автореферат**

диссертации на соискание ученой степени  
кандидата юридических наук

**Казань – 2006**

Работа выполнена на кафедре уголовного права и криминологии государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Ульяновский государственный университет»

**Научный руководитель:** доктор юридических наук, профессор  
**Чучаев Александр Иванович**

**Официальные оппоненты:** доктор юридических наук, профессор  
**Иногамова-Хегай Людмила Валентиновна**  
кандидат юридических наук  
**Ашин Андрей Александрович**

**Ведущая организация:** Уфимский юридический институт  
МВД РФ

Защита состоится 05 октября 2006 г. в 12 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.13 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора юридических наук при Казанском государственном университете по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, юридический факультет, ауд. 324.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан «    » сентября 2006 г.

Ученый секретарь  
диссертационного совета,  
кандидат юридических наук, доцент

А.Р. Каюмова

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

**Актуальность темы исследования.** Для современного этапа развития международного права характерно все более активное международно-правовое регулирование отношений, которые исконно являлись предметом внутригосударственного правового воздействия. Международное и внутригосударственное право, регулируя отношения в области совместного предмета регламентации, активно взаимодействуют, причем механизм их корреляции определяется в основном в рамках национального права. От должной организации этого механизма зависит достижение целей международного и национального правового регулирования общественных отношений, относящихся к объекту обеих систем права. Доминирующие доктринальные представления о природе и формах взаимодействия международного и национального правопорядков нередко кладутся в основу определения средств и способов осуществления международно-правовых норм на территории государства, конструированию механизма национально-правового обеспечения реализации международно-правовых норм. Именно они берутся в расчет при подготовке проектов соответствующих законов.

Имплементация международно-правовых норм уголовно-правового характера является одной из самых сложных проблем соотношения и взаимодействия международного и внутригосударственного права. Международные договоры, участницей которых является Российская Федерация, регламентируют широкий круг вопросов – от определения пределов уголовной юрисдикции государства до установления преступности и наказуемости конкретных деяний. В связи с этим необходимо выяснить место международно-правовых норм в системе уголовно-правовых регуляторов, а также пределы имплементации норм международного права в уголовном праве России и основные алгоритмы корреляции данных нормативных комплексов при совместном регулировании отношений, относящихся к объекту уголовного права.

Несмотря на достаточно высокую степень научной разработанности указанных аспектов проблемы, часть из них нуждается в дальнейшем исследовании. До сих пор в литературе по уголовному праву юридическая

довании. До сих пор в литературе по уголовному праву юридическая природа некоторых институтов, нормы которых корреспондируют международному праву, трактуется не совсем точно и расходится с современной доктриной международного права. Традиционно сложным является восприятие категорий самоисполнимости и несамоисполнимости норм международного права в уголовно-правовой сфере. Неоднозначно решаются проблемы непосредственного применения норм международного права уголовно-правового характера, соотношения международного и внутригосударственного уголовного права и др.

Настоятельная необходимость комплексного теоретического осмысления вопросов по рассматриваемой проблематике вызвана еще и тем, что далеко не все имплементационные нормы действующего уголовного законодательства надлежащим образом обеспечивают внутригосударственную реализацию международных нормативных предписаний. Некоторые из них не безупречны с точки зрения юридической техники и не соответствуют имплементируемым нормам международного права. Все это создает трудности их толкования и применения на практике.

Изложенное свидетельствует о необходимости углубленного теоретического анализа имплементации международно-правовых норм в уголовном праве России для разработки научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию внутригосударственного уголовно-правового обеспечения реализации норм международного права.

**Степень научной разработанности проблемы.** Внутригосударственное действие международных норм уголовно-правового характера исследуется в рамках двух наук: международного и уголовного права.

В доктрине международного права общие вопросы соотношения и взаимодействия международного и национального права освещались в трудах Л.П. Ануфриевой, И.П. Блищенко, В.Г. Буткевича, А.С. Гавердовского, Б.Л. Зимненко, С.Ю. Марочкина, Н.В. Миронова, Р.А. Мюллерсона, Е.Т. Усенко, С.В. Черниченко и др. Среди работ, опубликованных в последнее время, сле-

дует отметить монографию В.В. Гаврилова «Понятие и взаимодействие международной и национальной правовых систем» (Владивосток, 2005), обобщившую накопленный опыт исследования корреляции данных правовых феноменов. Разработкой проблем имплементации международных норм уголовно-правового характера занимались Г.В. Игнатенко, И.И. Лукашук и др.

Однако до сих пор анализу имплементации международно-правовых норм исключительно в рамках Общей части уголовного права не было посвящено ни одной монографии российских ученых. Отдельные аспекты проблемы рассматривались либо совместно с вопросами имплементации норм международного права в нормах Особенной части уголовного права (В.В. Каболов, А.Г. Кибальник, Е.В. Опалич, Н.Б. Слюсарь, Ю.В. Трунцевский, О.Н. Шибков и др.), либо при анализе вопросов отдельных институтов Общей части уголовного права (С.С. Беляев, Ю.А. Зюбанов, И.А. Елизарова, Д.В. Кияйкин, И.Б. Колчевский, М.Г. Мельников и др.). Внутригосударственное действие международных норм уголовно-правового характера освещалось в учебниках по международному уголовному праву Л.В. Иногамовой-Хегай, А.Р. Каюмовой, А.В. Наумовым, В.П. Пановым и др.

Несмотря на значительное число исследований, в той или иной мере раскрывающих вопросы имплементации норм международного права в Общей части уголовного права, проблема требует дальнейшей разработки. Некоторые нормы международного права, содержащие соответствующие положения, непосредственно регулируют отношения уголовно-правового характера в России. Это определяет необходимость научного осмысления соотношения и взаимодействия международного права и Общей части отечественного уголовного права, а также разработки мер по совершенствованию национально-правового обеспечения реализации международно-правовых норм, корреспондирующих нормам Общей части уголовного права, и практики их применения.

**Объект и предмет исследования.** *Объектом* диссертационного исследования выступают проблемы имплементации международно-правовых норм в Общей части уголовного права Российской Федерации.

*Предмет* исследования включает:

- нормы действующего (конституционного, уголовного, уголовно-процессуального) законодательства;
- международно-правовые акты, содержащие нормы, корреспондирующие нормам Общей части уголовного права России;
- нормы зарубежного уголовного права;
- постановления Пленума Верховного Суда РФ по рассматриваемой проблематике;
- научные публикации (диссертационные исследования, монографии, материалы периодической печати, учебная литература), касающиеся анализируемой проблемы и связанных с ней вопросов.

**Цель и задачи исследования.** *Целью* исследования является комплексный анализ соотношения и взаимодействия норм международного права и норм Общей части уголовного права России, а также разработка научных рекомендаций по повышению эффективности совместного регулирования отношений уголовно-правового характера.

Указанные цели обуславливают постановку и решение следующих *задач*:

- определение теоретических и нормативно-правовых основ соотношения и взаимодействия международного права и внутригосударственного права Российской Федерации;
- формулирование понятия имплементации международно-правовых норм;
- установление особенностей имплементации международно-правовых норм в области уголовного права;
- определение способов имплементации международно-правовых норм в российском уголовном праве;

- компаративный анализ норм международного права и норм Общей части УК РФ;
- разработка предложений по совершенствованию уголовно-правовых норм, имплементирующих нормы международного права.

**Методология и методика исследования.** Методологической основой исследования является комплексный системный подход к анализу проблем соотношения и взаимодействия международного и внутригосударственного права. При проведении исследования использовались общенаучные и частнонаучные методы: формально-логический, системно-структурный, сравнительно-правовой, а также метод дедуктивно-логического анализа и др.

**Теоретические и правовые основы работы.** В качестве *теоретической основы* работы были использованы научные труды в области общей теории права, международного, уголовного, уголовно-процессуального, гражданского права: Э.М. Аметистова, А.И. Бастрыкина, В.А. Батыря, П.Н. Бирюкова, А.П. Бычковского, А.Б. Венгерова, В.Г. Даева, Н.Д. Дурманова, Л.В. Иногумовой-Хегай, В.А. Канашевского, А.Р. Каюмовой, С.А. Комарова, В.П. Коняхина, Г.И. Курдюкова, Д.Б. Левина, М.Н. Марченко, А.В. Наумова, А.И. Рагога, А.А. Рубанова, К.К. Сандровского, А.Н. Талалаева, В.А. Толстика, Н.А. Ушакова, А.И. Чучаева и др.

*Правовой основой* исследования послужили советское законодательство (Уголовный кодекс 1960 г., Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 марта 1965 г. «О наказании лиц, виновных в преступлениях против мира и человечности и военных преступлениях, независимо от времени совершения преступления» и др.), действующее законодательство (Конституция РФ, Уголовный кодекс РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101 ФЗ «О международных договорах РФ» и др.), а также международно-правовые акты (Всеобщая декларация прав человека 10 декабря 1948 г., Конвенции о защите гражданского населения во время войны 12 августа 1949 г., Конвенция о защите прав человека и основных свобод 4 ноября 1950 г., Конвенция ООН по морскому праву 10 декабря 1982 г.,

Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 8 ноября 1990 г. и др.).

**Эмпирическую базу исследования** составили постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, касающиеся вопросов применения судами общей юрисдикции норм международного права.

**Научная новизна исследования** заключается в том, что оно является одной из первых в науке уголовного права монографической работой, выполненной на основе действующего законодательства, посвященной непосредственно имплементации международно-правовых норм в Общей части уголовного права. Обобщение и критическое осмысление взглядов ученых-юристов по различным аспектам указанной проблемы в контексте современного этапа развития доктрины международного права, применение системно-структурного метода при исследовании соотношения и взаимодействия международного и отечественного уголовного права позволяют сформулировать ряд предложений по совершенствованию уголовного законодательства и разрешению некоторых теоретических проблем.

**На защиту** выносятся следующие научные положения, выводы и рекомендации:

1. *Имплементация* – принятие норм внутригосударственного права во исполнение международно-правовых норм, а также для создания условий по непосредственной реализации международно-правовых норм на территории государства.

2. Взаимопроникновение международного и внутригосударственного правопорядка на уровне неинституциональных систем объективно обуславливает необходимость взаимодействия международного и внутригосударственного права при регулировании *комплексных отношений*, подлежащих совместной регламентации данными системами права. К категории комплексных относятся: а) отношения, связанные с обеспечением основных прав и свобод человека; б) отношения, относительно которых необходимо разграничение правовой компетенции государств; в) охранительные общественные



отношения, возникающие в связи с совершением деяний, посягающих на объекты, поставленные под уголовно-правовую защиту как международным, так и внутригосударственным правом.

Международное и внутригосударственное право отражают друг друга как нормативные явления. Это проявляется во взаимном придании юридического значения нормам, рассчитанным на регулирование комплексных отношений, путем констатации национальным правом наличия международно-правового сорегулятора данных отношений и выражается в установлении общей нормативной отсылки к международному праву, с помощью которой закрепляется формальное признание международно-правовых норм частью права, действующего в стране.

3. Международно-правовые нормы не могут признаваться источником уголовного права России, поскольку они относятся к иной системе права. Их взаимодействие построено на принципе дуализма данных нормативных комплексов.

Вопреки имеющимся утверждениям международно-правовые нормы уголовно-правового характера не входят в уголовное право России. Они являются частью сложного *межсистемного нормативного комплекса* отраслевого характера, включающего: а) уголовное право Российской Федерации; б) международно-правовые нормы уголовно-правового характера. Последний блок состоит из норм международного права, корреспондирующих нормам отечественного уголовного законодательства и направленных на регулирование отношений, составляющих объект уголовного права. Компонентом уголовно-правового межсистемного нормативного комплекса могут выступать нормы иностранного уголовного права, если законодатель санкционирует их действие путем признания обязательным условием привлечения к уголовной ответственности криминализацию деяния в иностранном государстве (двойная криминальность).

Указанный межсистемный отраслевой нормативный комплекс может существовать в *динамическом* и *статическом* состоянии.

4. Различают *самоисполнимые* и *несамоисполнимые* нормы международного права. В отличие от самоисполнимых норм *несамоисполнимые* нормы могут реализовываться во внутригосударственной сфере только после издания национально-правового акта, дополняющего и конкретизирующего их содержание. Самоисполнимые международные нормы уголовно-правового характера непосредственно реализуются на территории России в форме исполнения, использования, соблюдения и применения с момента, когда они вступили в силу для нашего государства. Реализация таких норм в указанных формах обеспечивается уголовным законом путем создания соответствующих правовых условий для их осуществления. Несамоисполнимые международно-правовые нормы не могут непосредственно реализовываться на территории России. Они могут осуществляться только опосредованно в форме использования, исполнения и соблюдения.

В случае коллизии между нормами уголовного права России и самоисполнимыми нормами международного права применению подлежат последние. Несамоисполнимые нормы международного права уголовно-правового характера не подлежат применению на территории России ни при каких условиях.

Международно-правовые нормы, устанавливающие преступность и наказуемость деяний, а также иные последствия уголовно-правового характера, в том числе нормы, корреспондирующие положениям Общей части УК РФ, закрепляющим общие признаки преступлений и разрешающим общие вопросы пенализации деяний, являются *несамоисполнимыми*. Нормы международного права, определяющие пространственную уголовную юрисдикцию Российской Федерации, а также международно-правовые нормы, содержащие отраслевые уголовно-правовые принципы, признаются *самоисполнимыми*.

5. Имплементация может быть классифицирована на *общую* и *специальную*. Способом осуществления общей имплементации выступает общая (универсальная) отсылка к международному праву. Специальная имплементация

международно-правовых норм уголовно-правового характера может проводиться с использованием следующих способов: а) включение в УК РФ отсылок (прямых или подразумеваемых) к международно-правовым нормам; б) воспроизведение в уголовном законе предписаний международного права в виде положений, адаптированных к национальному праву; в) приспособление действующих внутригосударственных уголовно-правовых норм к новым международным обязательствам государства.

6. Международно-правовые ограничения *прерогативной* (исполнительной) уголовной юрисдикции государства не затрагивают его *предписательную* (законодательную) уголовную юрисдикцию.

При определении сферы действия уголовного закона Российской Федерации должны учитываться только нормы международного права, регламентирующие вопросы, связанные с установлением объема законодательной уголовной юрисдикции России.

7. Закрепление в УК РФ *реального принципа* действия уголовного закона в пространстве не противоречит международно-правовым нормам и не является посягательством на суверенитет государства, на территории которого было совершено преступление.

8. Международно-правовой иммунитет от уголовной юрисдикции *не является* институтом уголовного-права. Образующие его нормы международного права имеют иной характер и должны имплементироваться в рамках других отраслей права. Норма, предусмотренная ч. 4 ст. 11 УК РФ, должна быть исключена из уголовного закона.

9. В целях совершенствования уголовного законодательства предлагается:

а) *изложить* в следующей редакции:

- статью 11 УК РФ: **«Статья 11. Действие уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление на территории Российской Федерации»**

1. Лицо, совершившее преступление на территории Российской Федерации, подлежит уголовной ответственности по настоящему Кодексу. Преступления, совершенные в пределах воздушного пространства Российской Федерации, признаются совершенными на территории Российской Федерации.

2. Лицо, совершившее преступление в пределах территориальных вод Российской Федерации, подлежит уголовной ответственности по настоящему Кодексу, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации.

3. Лицо, совершившее преступление на водном судне, плавающем под флагом Российской Федерации или воздушном судне, зарегистрированном в Российской Федерации, подлежит уголовной ответственности по настоящему Кодексу независимо от места совершения преступления, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации. По настоящему Кодексу уголовную ответственность несет также лицо, совершившее преступление на военном корабле, другом государственном судне, эксплуатируемом в некоммерческих целях, или военном воздушном судне Российской Федерации независимо от места их нахождения.

4. Лицо, входящее в состав экипажа пилотируемого космического объекта, зарегистрированного в Российской Федерации, подлежит уголовной ответственности по настоящему Кодексу, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации»;

- часть 1 ст. 12 УК РФ: «1. Граждане Российской Федерации и постоянно проживающие в Российской Федерации лица без гражданства, совершившие преступление вне пределов Российской Федерации, подлежат уголовной ответственности по настоящему Кодексу, если совершенное ими деяние признано преступлением в государстве, на территории которого оно было совершено, и если эти лица не были осуждены или уголовное преследование этих лиц не было прекращено в иностранном государстве. При осуждении указанных лиц наказание не может превышать верхнего предела санкции,

предусмотренной законом иностранного государства, на территории которого было совершено преступление»;

- часть 3 ст. 12 УК РФ: «3. Иностранцы граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в Российской Федерации, совершившие преступление вне пределов Российской Федерации, подлежат уголовной ответственности по настоящему Кодексу в случаях, если преступление направлено против интересов Российской Федерации, и в случаях, предусмотренных международным договором Российской Федерации, если эти лица не были осуждены или уголовное преследование этих лиц не было прекращено в иностранном государстве»;

б) *дополнить* ст. 12 УК РФ ч. 4 и 5 следующего содержания: «4. Лица, совершившие вне пределов Российской Федерации преступления против государственной власти и общественной безопасности Российской Федерации, предусмотренные статьями 205, 205<sup>1</sup>, 275, 276, 279, 280, 282<sup>1</sup>, 283, 284, 289, 310, 311, 320, 322<sup>1</sup>, 329 настоящего Кодекса, подлежат уголовной ответственности по настоящему Кодексу независимо от того, признано ли совершенное ими деяние преступлением в государстве, на территории которого оно было совершено. При назначении наказания указанным лицам суд с учетом мер уголовно-правового характера, примененных к ним в иностранном государстве за совершенные преступления, может соответственно смягчить наказание или освободить их от отбывания наказания.

5. Лицо, совершившее преступление в пределах континентального шельфа или исключительной экономической зоны Российской Федерации, подлежит уголовной ответственности по настоящему Кодексу, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации».

**Теоретическая и практическая значимость исследования** заключается в том, что оно углубляет и развивает научные положения в области имплементации международно-правовых норм в уголовном праве России.

Практическая значимость работы определяется сделанными в ней выводами, способствующими повышению эффективности национально-правового

обеспечения реализации международно-правовых норм и качественному улучшению правового регулирования отношений, совместно регламентируемых международным и внутригосударственным правом. Сформулированные в диссертации рекомендации и предложения могут быть использованы при совершенствовании норм уголовного законодательства и подготовке постановлений Пленума Верховного Суда РФ. Материалы диссертации могут служить основой при составлении программ, учебных пособий, разработке спецкурсов в юридических учебных заведениях по проблемам имплементации норм международного права в уголовном праве России.

**Апробация результатов исследования.** Работа подготовлена на кафедре уголовного права и криминологии Ульяновского государственного университета, где проводилось ее обсуждение и рецензирование. Некоторые положения исследования докладывались диссертантом на научно-практических конференциях, проходивших в 2004–2006 г. в г. Ульяновске, изложены в научных публикациях.

Выводы, содержащиеся в диссертации, апробированы в процессе преподавания спецкурса «Международное уголовное право» в Ульяновском государственном университете.

**Структура работы** обусловлена целями и задачами исследования, кругом рассматриваемых вопросов и состоит из введения, двух глав, включающих шесть параграфов, заключения, библиографии.

## СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, формулируются цель и задачи исследования, показывается степень разработанности проблемы, раскрываются научная новизна, методологическая, правовая, теоретическая, эмпирическая основы работы, основные положения, выносимые на защиту, приводятся сведения о теоретической и практической значимости, а также данные об апробации результатов диссертационного исследования.

Первая глава **«Соотношение и взаимодействие международного и внутригосударственного права при регулировании отношений уголовно-правового характера в Российской Федерации»** состоит из трех параграфов.

В первом параграфе **«Теоретические основы соотношения и взаимодействия международного права и внутригосударственного права Российской Федерации»** рассматриваются общие теоретические вопросы корреляции систем международного права и права России.

Международное и национальное право представляют собой самостоятельные системы права со связями координационного характера. Это нашло отражение в международно-правовых актах, а также в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, где нормы международного права признаются частью российской правовой системы. Данное конституционное положение не позволяет рассматривать международно-правовые акты в качестве формальных источников национального права. Договоры и иностранные правовые нормы, действие которых санкционировано государством, наряду с внутригосударственным правом образуют нормативную составляющую его правовой системы, однако они не являются частью его национального права.

В правовую систему РФ входят действующие в отношении нее международно-правовые нормы, т.е. юридические нормы, содержащиеся во вступивших в силу международных договорах, участницей которых выступает Россия. Такие нормы международного права не требуют дополнительной санкции на включение в состав правовых регуляторов, имеющих в стране, поэтому ч. 4 ст. 15 Конституции РФ не санкционирует, а лишь констатирует их действие на территории России. Наличие международно-правового регулятора необходимо для регламентации комплексных отношений, которые одновременно входят в предмет международного и внутригосударственного права. Частичное совпадение объекта регулирования является непосредственной причиной взаимодействия национального и международного права и предопределяет специфику их корреляции. Комплексные отношения возни-

кают, когда социальные связи между субъектами либо последствия, связанные с ненадлежащим регулированием и охраной таких отношений, выходят за рамки правового поля отдельного государства и приобретают региональное или мировое значение. О видах комплексных отношений см. 1 раздел автореферата.

Во втором параграфе **«Имплементация международно-правовых норм»** исследуется механизм реализации международно-правовых норм в рамках внутригосударственного правопорядка, дается понятие имплементации и предлагается классификация ее видов.

Отражение международно-правовых норм национальным правом именуется в литературе по-разному: инкорпорация, согласование, рецепция, трансформация, имплементация. Рецепция, инкорпорация и согласование представляют собой различные правовые феномены, принципиально отличные от процесса осуществления международного права в сфере действия национального права, поэтому данные термины не могут применяться для его обозначения. Трансформация и имплементация – родственные категории. Они обозначают одно и то же явление – механизм внутригосударственного осуществления норм международного права, характеризуя его дифференцированно.

Теории имплементации и трансформации по-разному трактуют многие вопросы, связанные с внутригосударственным действием международного права. Основное различие состоит в том, что имплементационный подход предполагает непосредственное действие международно-правовых норм на территории государства, а с точки зрения трансформационной концепции непосредственное действие международного права невозможно. Для придания нормам международного права юридической силы внутри государства требуется их «трансформация» в нормы национального права.

Общей для теории имплементации и теории трансформации является трактовка внутригосударственного правотворчества, осуществляемого во исполнение международно-правовых норм одновременно и как реализации



норм международного права, и как обеспечения их реализации. Вместе с тем реализация и обеспечение реализации – различные явления. Их необходимо рассматривать, исходя из категорий самоисполнимости и несамоисполнимости международно-правовых норм. Самоисполнимые нормы договоров по своему содержанию способны выступать в качестве правового регулятора внутригосударственных отношений, несамоисполнимые нормы не могут самостоятельно регулировать отношения с участием субъектов внутригосударственного права и требуют для реализации издания соответствующего внутригосударственного акта, дополняющего и конкретизирующего их содержание. С момента, когда самоисполнимая международно-правовая норма вступает в силу, возможна ее внутригосударственная реализация в форме использования, исполнения, соблюдения и применения. Для этого достаточно создать на внутригосударственном уровне соответствующие правовые условия, т.е. обеспечить реализацию самоисполнимой нормы. В отличие от этого возможности по реализации на территории государства несамоисполнимой нормы ввиду неполноты содержащегося в ней правила ограничены как до, так и после того, как принята национально-правовая норма для дополнения и конкретизации ее содержания. Такая международно-правовая норма не подлежит применению, но может реализовываться в форме использования, исполнения и соблюдения. Ее реализация в этих формах обеспечивается внутригосударственным правом. Правила договоров, прямо предусматривающие обязанность государства закрепить в национальном праве те или иные положения, реализуются в момент принятия соответствующей внутригосударственной нормы. Что касается положений, направленных на регулирование отношений с участием юридических и физических лиц, то данным актом внутригосударственного нормотворчества обеспечивается их реализация в форме использования, исполнения и соблюдения. Они, как и положения других несамоисполнимых международно-правовых норм, не подлежат применению на территории государства.

Предлагается различать: а) непосредственную имплементацию, при которой включенная в отечественную правовую систему норма международного права действует и может применяться на территории Российской Федерации без каких-либо изменений как часть права, применимого в стране; б) опосредованную имплементацию, когда в закон включается новая национально-правовая норма, адаптирующая положения международного права. Можно также говорить об общей имплементации, которая заключается в установлении государством в своем внутреннем праве нормы общего характера, констатирующей наличие международно-правового сорегулятора в сфере действия национального права, и специальной имплементации, когда государство придает конкретным нормам международного права силу внутригосударственного действия.

В третьем параграфе **«Национально-правовая имплементации международно-правовых норм в уголовном праве Российской Федерации и способы ее осуществления»** проводится анализ точек зрения по данной проблеме, на основе которого делается ряд выводов.

Вопреки достаточно распространенному мнению, согласно которому нормы международного права признаются частью российского уголовного права и рассматриваются в качестве его формального источника, тесную взаимосвязь двух систем права нельзя объяснить путем их объединения или признания форм права одной системы формальными источниками нормативных предписаний другой системы. Международно-правовые нормы принадлежат к иной системе права, чем нормы отечественного уголовного права, и закрепляются в правовых актах, гетерогенных российскому уголовному закону. Вместе с тем международное право является одним из материальных источников национального уголовного права. При этом необходимо учитывать, что в некоторых случаях международные нормативные предписания, в свою очередь испытывая заметное воздействие со стороны внутригосударственных правовых норм, оказывают лишь вторичное влияние на национальное право.

Констатация на конституционном уровне применимости международно-правовых сорегуляторов к внутригосударственным отношениям приводит к возникновению в правовой системе России сложных межсистемных нормативных комплексов отраслевого характера, регламентирующих отношения в определенных сферах совмещенного предмета регулирования. Сказанное относится и к уголовно-правовой сфере (см. 1 раздел автореферата).

Эти соображения позволяют констатировать отсутствие коллизии между ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и ст. 1 и 3 УК РФ, имеющей место по мнению некоторых авторов. Статья 1 УК РФ определяет, что уголовное законодательство Российской Федерации состоит из Кодекса. Конституция РФ не включает международные нормы в состав российского права, они входят в правовую систему, являясь частью права, применяемого в России. Положения ч. 1 ст. 1 УК РФ в этом отношении не коллидируют с конституционными нормами. Необходимо также учитывать, что в конвенциях, устанавливающих преступность и наказуемость деяний, закрепляется обязанность государств по их криминализации и внесению соответствующих изменений в национальное уголовное законодательство. Это означает, что международно-правовые нормы, устанавливающие преступность и наказуемость деяний, являются несамоисполнимыми. В соответствии с ФЗ «О международных договорах РФ» их непосредственное применение невозможно. Следовательно, требование ст. 3 УК РФ об определении преступности и наказуемости деяния, а также иных уголовно-правовых последствий его совершения только в уголовном законе не противоречит ч. 4 ст. 15 Конституции России.

Международные нормы, не устанавливающие преступность и наказуемость деяний, а также иные последствия уголовно-правового характера, регламентирующие другие вопросы уголовного права, могут применяться непосредственно в сфере совместного регулирования международного и внутригосударственного права. К числу таких непосредственно действующих международных норм предлагается относить нормы, определяющие простран-

венную уголовную юрисдикцию РФ, и нормы, содержащие отраслевые уголовно-правовые принципы.

Общая национально-правовая имплементация международных норм уголовно-правового характера осуществляется путем установления общей (универсальной) отсылки к международному праву в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Эта конституционная норма имплементирует самоисполнимые международные нормы, в том числе и те, которые включаются в уголовно-правовую систему России. Специальная имплементация международных норм в уголовном праве может осуществляться с использованием ряда способов (см. 1 раздел автореферата).

Вторая глава **«Имплементация международно-правовых норм в нормах Общей части уголовного права Российской Федерации»** состоит из трех параграфов.

В первом параграфе **«Имплементация международно-правовых норм в нормах Общей части уголовного права Российской Федерации о задачах и принципах уголовного закона»** проводится сравнительный анализ данных положений Общей части УК РФ и имплементируемых ими международно-правовых норм.

В работе критикуются утверждения о том, что в ст. 2 УК РФ имплементированы положения международного права. В настоящее время в международном праве нет нормы, предписывающей государствам ставить права и свободы человека во главе иерархии объектов уголовно-правовой охраны и закрепить соответствующее положение в своем внутреннем праве.

В ст. 7 УК РФ имплементирован международно-правовой принцип запрета жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Имплементация принципа права и норм, отражающих его содержание, происходит по-разному. В частности, нельзя утверждать, что в рамках данной статьи уголовного закона имплементируются нормы Конвенции против пыток 1984 г. Последняя устанавливает преступность и наказуемость конкретного деяния – пытки – и не содержит принципов права. Меж-

дународно-правовые нормы, предусматривающие преступность и наказуемость данного деяния, подлежат опосредованной имплементации в Особенной части УК РФ. В виде принципа права могут быть имплементированы только международные нормы-принципы. В противном случае международно-правовое обязательство России по криминализации того или иного деяния может быть исполнено путем провозглашения в отечественном праве руководящей идеи соответствующего содержания. Определенных стандартов относительно запрещаемых видов обращения и наказания не существует, понятия бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания носят оценочный характер. Вместе с тем бесчеловечное или унижающее достоинство наказание или обращение в России признаются противоправными действиями. В Особенной части УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за соответствующие преступления. Кроме того, из содержания ст. 43 УК РФ следует, что наказание не имеет своей целью причинение физических или моральных страданий. Система наказаний по УК РФ не содержит видов наказаний, которые могут быть признаны калечащими, членовредительскими или позорящими. Сказанное позволяет констатировать, что действующее уголовное законодательство в должной мере отражает общую руководящую идею, имплементированную в ст. 7 УК РФ.

В ч. 2 ст. 6 УК РФ отражена международно-правовая норма-принцип: никто не должен быть вторично судим или наказан за преступление, за которое он уже был окончательно осужден или оправдан в соответствии с законом и процессуальным правом каждой страны (*ne bis in idem*). Реализация этого принципа происходит посредством применения ч. 1 и 3 ст. 12 УК РФ, конкретизирующих его содержание. Формально логическое толкование данных норм уголовного закона позволяет констатировать, что в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов РФ, возможно повторное уголовное преследование в России, за исключением ситуаций, когда этим лицам судом иностранного государства уже был вынесен приговор. Однако в соответствии с указанным международно-правовым принципом недопустимо по-

вторное привлечение к уголовной ответственности и в том случае, когда дело было прекращено в иностранном государстве на досудебной стадии по любому реабилитирующему или нереабилитирующему основанию. В связи с этим предлагается внести соответствующие изменения в ч. 1 и 3 ст. 12 УК РФ (см. 1 раздел автореферата).

Отмена правила об учете двойной криминальности нарушает нормы международного права и принципы уголовного законодательства. Соответствующее требование должно быть предусмотрено в УК РФ. В целях защиты интересов РФ обосновывается необходимость дополнения ст. 12 УК РФ положением, предусматривающим уголовную ответственность лиц, совершивших на территории иностранного государства преступления против государственной власти и общественного порядка Российской Федерации, независимо от криминализации соответствующего деяния в государстве, на территории которого оно было совершено, и фактического осуществления уголовного преследования этих лиц в иностранном государстве.

Статья 4 УК РФ опосредованно имплементирует международную норму-принцип, в соответствии с которой государства должны признавать равными в правах всех лиц, находящихся под их юрисдикцией. Между тем название указанной статьи уголовного закона не соответствует смыслу имплементируемых международно-правовых норм и текстуальному содержанию данной статьи УК РФ.

Во втором параграфе **«Имплементация международно-правовых норм в нормах Общей части уголовного права Российской Федерации о действии уголовного закона во времени и в пространстве»** проводится сравнительный анализ норм, устанавливающих пределы действия отечественного уголовного закона, и имплементируемых ими международно-правовых норм.

В ст. 10 УК РФ опосредованно имплементированы нормы международного права, в соответствии с которыми не может налагаться наказание более тяжкое, нежели то, которое могло быть применено в то время, когда преступление было совершено. Действие закона, принятого после совершения пре-

ступления, распространяется на виновное лицо, если этот закон устанавливает более легкое наказание (т.е. имеет обратную силу).

Объем предписательной юрисдикции России (в том числе уголовно-правовой) на борту судна, осуществляющего мирный проход в ее территориальных водах, ограничивается ст. 21 Конвенции по морскому праву, содержащей перечень вопросов, по которым прибрежное государство может принимать законы и правила, относящиеся к мирному проходу через территориальное море. Необходимо учитывать, что эти ограничения не исключают уголовно-правовую юрисдикцию РФ в отношении деяний, подпадающих под действие отечественного УК на основе реального или универсального принципов действия уголовного закона в пространстве. Положения ст. 11 УК РФ, касающиеся уголовной юрисдикции России в пределах ее исключительной экономической зоны и континентального шельфа, могут толковаться в том смысле, что уголовной ответственности подлежит любое лицо, совершившее любое преступление в этих районах. Между тем уголовно-правовая юрисдикция России в пределах континентального шельфа и исключительной экономической зоны ограничена международным правом и распространяется только на преступления, предусмотренные ст. 252, 253 и 256 УК РФ. В связи с этим предлагается внести изменения в ст. 11 УК РФ (см. 1 раздел автореферата).

Некоторые ограничения прерогативной уголовно-правовой юрисдикции России, осуществляемой в пределах ее воздушного пространства, установлены в ст. 4 Токийской Конвенции о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов 1963 г. Однако нормы, направленные на ограничение предписательной уголовной юрисдикции государств в их воздушном пространстве, в международном праве отсутствуют.

В работе отмечается неудачность формулировки ч. 3 ст. 11 УК РФ. Во-первых, Конвенция ООН по морскому праву и Кодекс торгового мореплавания РФ связывают юрисдикцию с флагом судна, а не с портом его приписки, как это сделано в УК РФ. Во-вторых, понятие «открытое море» не охватыва-

ет исключительную экономическую зону и территориальные воды государств. Если под открытым водным пространством вне пределов РФ понимать открытое море, то лицо, совершившее преступление на судне, правомерно следующем под Государственным флагом РФ в пределах исключительной экономической зоны иностранного государства (или исключительной экономической зоны России, так как она не является частью территории РФ), не подлежит уголовной ответственности по отечественному УК. Это противоречит ч. 2 ст. 58 Конвенции ООН по морскому праву, в соответствии с которой к экономической зоне полностью применимо положение о национальности судов и об исключительной юрисдикции государства над судами своего флага. Кроме того, действие отечественного УК может распространяться на лиц, совершивших преступление на судне, следующем под флагом России, в период его нахождения в территориальных водах иностранного государства, только с соблюдением требования двойной криминальности. Учитывая установленные международным правом ограничения предписательной уголовной юрисдикции прибрежного государства в территориальных водах, привлечение таких лиц к уголовной ответственности представляется проблематичным. В связи с этим предлагается включить в УК РФ норму, распространяющую действие уголовного закона на морские суда, следующие под флагом России независимо от их местонахождения. Аналогичное правило следует закрепить и в отношении воздушных судов, находящихся в полете.

Иммунитет от уголовной юрисдикции государства пребывания, предоставляемый некоторым лицам в силу международно-правовых норм не имеет уголовно-правовой природы. Международно-правовые нормы об иммунитетах являются самоисполнимыми, для их непосредственной имплементации достаточно отсылки, установленной в ч. 3 ст. 1 УПК РФ. Нормы об экстрадиции также направлены на регламентацию отношений, не входящих в предмет уголовного права. Это свидетельствует о неприемлемости регулирования данных институтов в рамках уголовного права.



В ч. 3 ст. 12 УК РФ имплементированы предписания отдельных международных договоров, устанавливающих универсальную юрисдикцию всех участвующих в них государств в отношении ряда международных преступлений и преступлений международного характера. В международно-правовом акте должно быть закреплено, что уголовная ответственность не ограничена рамками определенной государственной территории, в противном случае предусмотренные в нем преступные деяния не подпадают под универсальную юрисдикцию государств-участников.

В работе приводится довод против признания применения реального принципа действия уголовного закона в пространстве (ч. 3 ст. 12 УК РФ) нарушением юрисдикции государства, на территории которого совершено соответствующее преступление и посягательством на его суверенитет. В международном праве не существует нормы, возлагающей на государства обязательство не издавать закон, предусматривающий возможность применения национального уголовного права к иностранцам и лицам без гражданства, совершившим за пределами его территории преступления, направленные против интересов данного государства. Нельзя говорить и о том, что реальный принцип нарушает суверенитет государства, на территории которого было совершено преступление, поскольку данный принцип действия уголовного закона в пространстве не предполагает осуществления за пределами России каких-либо действий принудительного характера в отношении лиц, совершивших преступления, в целях неправомерного изъятия их из сферы территориальной юрисдикции иностранного государства.

В третьем параграфе **«Имплементация международно-правовых норм в нормах Общей части уголовного права Российской Федерации о преступлении, о наказании и иных уголовно-правовых последствиях преступления»** проводится сравнительный анализ норм отечественного УК, регулирующих данные вопросы, и имплементируемых ими международно-правовых норм.

Раздел II из входящих в Общую часть УК РФ содержит меньше всего имплементационных норм. Это обусловлено тем, что в международном праве не выработано общего понятия преступления, вины, не содержится общих норм о предварительной преступной деятельности и соучастии. Решение указанных вопросов остается в компетенции национального законодателя. Однако анализ международно-правовых актов позволяет утверждать, что в них содержится такой общий признак субъекта преступления, как вменяемость. Международные нормы права исходят из презумпции вменяемости любого человека, не требующей специального доказывания. Законодательного закрепления презумпции вменяемости в УК РФ не требуется. Российская судебная практика давно исходит из данной презумпции. Кроме того, будучи закрепленной в международном праве в качестве нормы-принципа, презумпция вменяемости уже включена в отечественную правовую систему и должна непосредственно учитываться правоприменителем.

Международно-правовые нормы, имплементированные в положениях УК РФ о наказании, в основном затрагивают вопросы применения смертной казни. Так, в ст. 59 УК РФ опосредованно имплементирован ряд положений международного права, устанавливающих стандарты применения данного вида наказания: а) смертная казнь может быть установлена за «самые тяжкие» умышленные преступления, повлекшие смерть потерпевшего или иные тяжелые последствия; б) смертная казнь не может быть назначена за преступления, совершенные лицами моложе 18 лет; в) смертный приговор не приводится в исполнение в отношении беременных женщин. Международно-правовые нормы, устанавливающие правило, в соответствии с которым любой приговоренный к смертной казни должен иметь возможность подать прошение о помиловании, имплементированы в ст. 85 УК.

У России не существует основанной на нормах международного права обязанности по отмене смертной казни. В настоящее время запрет смертной казни не установлен каким-либо действующим в отношении России международно-правовым актом. РФ имеет политическую обязанность не применять

рассматриваемое наказание, вытекающую из ряда документов, принятых в рамках Совета Европы. Однако юридической обязанности по отмене смертной казни не существует. Она может возникнуть только в случае ратификации Протокола № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.

Международно-правовые нормы предписывают учитывать возраст несовершеннолетних при привлечении их к уголовной ответственности и установить минимальный возраст, ниже которого дети считаются неспособными нарушить уголовный закон. Данные положения международного права имплементированы в ст. 20 УК РФ и разделе V УК РФ. Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних обусловлены исключительно возрастом субъекта преступления, и все они направлены на смягчение применяемых к ним мер уголовно-правового характера.

Часть 5 ст. 78 и ч. 4 ст. 83 УК РФ адаптируют нормы международного права о том, что лица, виновные в совершении преступлений против мира и безопасности человечества, не могут быть освобождены от уголовной ответственности или наказания в связи с истечением сроков давности.

В **Заключении** формулируются основные выводы по результатам диссертационного исследования.

#### **По теме диссертации опубликованы следующие работы:**

1. Вдовин В.А. К вопросу о соотношении международного права и отечественного уголовного права / В.А. Вдовин // Ученые записки Ульяновского гос. ун-та. Сер. Государство и право. Вып. 4 (21). Государство и право: проблемы, поиски решений, предложения. – Ульяновск, 2004. – 0,3 п.л.

2. Вдовин В.А. К вопросу об отраслевой принадлежности международно-правовых иммунитетов от уголовной юрисдикции / В.А. Вдовин // «ЧЕРНЫЕ ДЫРЫ» в Российском Законодательстве. – 2006. – № 1. – 0,7 п.л.

3. Вдовин В.А. О международно-правовой обязанности РФ по отмене смертной казни / В.А. Вдовин // «ЧЕРНЫЕ ДЫРЫ» в Российском Законодательстве. – 2006. – № 2. – 0,6 п.л.